

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

Питер Уоттс. *Ложная слепота*

Питер Уоттс. *Эхопраксия*

Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*

Йен Макдональд. *Бразилья*

Адам Робертс. *Стеклянный Джек*

Дэниэл Суарез. *Поток*

Грег Иган. *Город перестановок*

Джеймс Камбиас. *Темное море*

Сборник «*Край бесконечности*»

Тед Косматка. *Мерцающие*

Йен Макдональд. *Новая Луна*

Роберт Чарльз Уилсон. *Хронолиты*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ГОЛОС ЛЕМА

АНТОЛОГИЯ В ЧЕСТЬ
СТАНИСЛАВА ЛЕМА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ МИХАЛА ЦЕТНАРОВСКОГО

АНТОЛОГИЯ В ЧЕСТЬ
СТАНИСЛАВА ЛЕМА

ЯЦЕК ДУКАЙ
РОБЕРТ М. ВЕГНЕР
КШИШТОФ ПИСКОРСКИЙ

ОРКАН • ПОДЖУЦКИЙ • МИЩАК • ГЮТШЕ
СКАЛЬСКАЯ • ЦЫРАН • ОРЛИНСКИЙ • КОСИК
ПАЛИНСКИЙ • ХАКА • НОВАК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
Г61

Серия «Звезды научной фантастики»

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Jacek Dukaj
KTO NAPISAL STANISLAWA LEMA,
WSTEP DO ANTOLOGII «GLOS LEMA»
Robert M. Wegner
WSZYTSKIE DZIECI BARBIE

Janusz Cyran, Filip Haka, Alex Gutsche, Rafal Kosik, Andrzej
Miszczak, Jakub Nowak, Rafal Orkan, Wojciech Orlinski, Pawel
Palinski, Krzysztof Piskorski, Wawrzyniec Podrzucki, Joanna Skalska

Glos Lema

Под редакцией Михала Цетнаровского
Перевод с польского: Владимир Борисов, Сергей Легеза,
Кирил Плешков, Виктор Язневич

В оформлении обложки использована иллюстрация
Дмитрия Вишневого

Публикуется с разрешения авторов,
издательства Powergraph
и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Copyright © 2011 by Janusz Cyran, Filip Haka,
Alex Gutsche, Rafal Kosik, Andrzej Miszczak,
Jakub Nowak, Rafal Orkan, Wojciech Orlinski,
Pawel Palinski, Krzysztof Piskorski, Wawrzyniec
Podrzucki, Joanna Skalska
Copyright © 2008 by Robert M. Wegner
Copyright © by Jacek Dukaj. All rights reserved
Copyright © 2011 by Powergraph
© Владимир Борисов, перевод, 2016
© Сергей Легеза, перевод, 2016
© Кирил Плешков, перевод, 2016
© Виктор Язневич, перевод, 2016
© Дмитрий Вишневский, иллюстрация, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Яцек ДУКАЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни одна хорошая книга не пройдет безнаказанной, а любой творческий жест одновременно является предметом рыночной игры. И, как часто бывает со многими подобными попытками, инициаторам антологии, вдохновленной творчеством Станислава Лема, легко приписать низкие намерения: дескать, используют популярное имя в качестве дармовой рекламы, чтобы получить маркетинговый эффект на одном названии.

Однако в нашем случае речь идет о деянии без малого героическом.

Поскольку, во-первых, действительно ли «Голос Лема» использует известную марку — или только пытается ее создать, восстановить?

А во-вторых, можно ли в принципе «писать как Лем»?

* * *

Первый вопрос может показаться почти абсурдным (если не разрушающим привычную картинку). Как же так, ведь о Леме слышал каждый! А то! А еще все слышали о Чарской или Гайдаре — но я не верю в толпы

читателей, расхватывающих антологию рассказов а-ля Чарская.

Почему я позволяю себе сравнивать именно этих писателей? Увы, я много раз убеждался, что для современного читателя, любящего вампирские лавбургеры, саги фэнтези, книги Пилипука и Пекары, Кинга и Канаван, — Лем стоит на той же полке, что и, например, Жеромский или любой другой, проклинаяемый школьной братией автор из списка для обязательного чтения, совершенно школярами не перевариваемый.

В беседах с этими читателями раз за разом возникает мотив раннего неприятия Лема (и, обобщая, всей научной фантастики) из-за обязательного — в начальной школе — чтения «Сказок роботов» или рассказов о Пирксе. Для новых поколений школьников этот опыт оказался воистину травматическим.

Что ж, просто они слишком рано подступались к Лему: сбой в образовательной программе. Есть писатели, до которых нужно дорастать, причем делать это не единожды — нужно дорастать до них многократно. И вот эти несчастные оканчивают школу, сами заводят детей, а отвращение сохраняется. Уже целые поколения вырастают в состоянии благодистой неосведомленности о сокровищах воображения Станислава Лема. И они вовсе не невежды: это люди образованные. Возьми, попробуй, убедись, что такая литература по-прежнему не для тебя! В ответ: «Я пытался, но, черт побери, не понимаю этого языка!»

Вот и еще одно неожиданное препятствие — язык Лема: специфичный, разухабистый довоенный польский, сплетающий воедино техницизмы и чудесные резинковые неологизмы, юмористическую эквилибристи-

ку и пресные архаизмы: послойно, как в торте, этаж за этажом — для читателя XXI века он стал настолько же чуждым, как и польский Мицкевича. Ведь трудность чтения «Пана Тадеуша» заключается не в головоломных интеллектуальных вопросах, которые ставит эта литовская эпопея, а в непонимании текста на базовом уровне — его слов и предложений. Язык Лема, с этой точки зрения, постепенно с течением времени становился все более герметичным, уже поздняя эссеистика Лема возвела непреодолимо высокий барьер для потребителей культуры супермаркетов.

Мои печальные констатации естественным образом противоречат мнению, распространенному в польской медиасфере. И чем это более уважаемое и серьезное медиа, тем для него очевиднее: «все знают, читают и любят Лема». Откуда такая разница?

Мне кажется, принцип «мыслить и говорить, как Лем» стал уже отличительной поколенческой чертой, аналогично более раннему «говорить, как Сенкевич». Время, когда мы входим в культуру, в произведения, нас формирующие, влияющие на наши воображение и вкусы,— идентифицирует нас подобно ДНК и папиллярным линиям. Нельзя заново пережить детство, и нельзя во второй раз читать как ребенок.

Да, исключения бывают — исключения бывают всегда. Авторы некоторых рассказов из этой коллекции суть их примеры. Но в целом демаркационная линия прошла по 1989 году: кто успел войти в мир НФ раньше, тот с большой вероятностью «заразился Лемом». Тогда Лем и вправду был своеобразным Солнцем фантастической литературы: тем паче в 1970-х. Но после 1989-го все изменилось: он стал лишь одной из тысяч звезд на

небосклоне. Сейчас можно сызмальства зачитываться фантастикой, считать себя ее знатоком, ее преданным фанатом — а Лема вообще не читать или, прочитав одну-другую его книгу, сознательно отринуть их, как литературу неинтересную и несущественную; и не испытывать из-за этого ни малейшего дискомфорта при культурном обмене, при разговорах с другими читателями, при попытках понять современное творчество.

Что было бы невозможно в случае аналогичного игнорирования, например, творчества Толкина. Даже если кто-то Толкина люто ненавидит, он вынужден ориентироваться в его произведениях, чтобы осмысленно участвовать в беседах о современной культуре, причем даже и не завязанных всецело на фантастику. В этом смысле творчество Лема может показаться литературным тупиком. Сколько вышло книжек, фильмов, игр, для полноценного восприятия которых необходимо чтение Лема? Их единицы, и они далеко не самые удачные.

Нынешние лемофилы представляют собой нечто вроде полутайного масонского братства, освященного НФ, узнавая друг друга по криптоцитатам, сладостно архаической терминологии («фантоматика», «интеллектроника») и характерному рефлексу отслеживания генеалогии идеи: «Об этом Лем уже писал здесь и здесь!» Остальные леминговски кивают: да-да, Лем это предвидел, а Достоевский — загадочная русская душа.

Как остановить такой тренд? Как удачно развернуть читателя к Лему?

Полагаю, одним из вариантов может стать именно такой литературный «альбом каверов». В истории музыки новые поколения часто открывали классику, услышав ее произведения в исполнении ровесников.

И лишь затем они по собственной воле приходили к оригиналам.

Рассказы, собранные в этом сборнике, вышли из-под пера авторов, родившихся между 1969 и 1982 годами; всего два писателя-ученых — Цыран и Поджущкий — представляют старшее поколение.

Это уже не дети: это литературные внуки и правнуки Лема.

* * *

Возможно ли сегодня «писать как Лем»?

Вопрос не столь банальный, каким кажется на первый взгляд. Понятно, что для того, чтобы писать в точности как Лем — не просто повторяя то, что он уже ранее написал, но творя и ныне так, как творил бы Лем,— нужно, собственно, быть Лемом. А это мало того, что невозможно логически, так еще не являлось бы поводом для гордости ни у одной творческой личности, которая в поте лица вырабатывает собственную территорию оригинальности.

Но речь о другом. Тогда — о чем же?

Мне кажется, следует отступить на шаг от озвученного вопроса и сначала назвать причины привлекательности прозы Лема, то есть те ее черты, ради которых вообще стоило бы «писать как Лем».

Здесь должно наследовать содержание — или форму? И возможно ли отделить одно от другого?

Быть продолжателем на уровне формы — значит неминуемо подставиться под упреки по части пустой архаизации и игр с ретроэстетикой — ради самой эстетики. Между тем герои Лема летали на бронированных космо-

летах и производили вычисления на мозгах с вакуумными лампами, поскольку именно в такую историческую эпоху (и в такую эпоху литературную) Лему довелось писать. Если бы он писал сейчас — неужели писал бы в том же духе? Но ведь Лем не архаизировался под Уэллса или Жулавского! Просто таким он видел будущее: таким будущее было.

Если сегодня историко-космическая футуристика «Эдема», «Непобедимого», «Соляриса», рассказов о Пирксе и привлекает читателя, то по причинам совершенно непреднамеренным для Лема, а лишь благодаря ностальгическому послевкусию одомашненного ретро. Наблюдается здесь симметрия, схожая с популярностью старых сериалов вроде «Гонки по вертикали». Инспектор Тихонов выслеживает своих честных преступников на «Волге», а командор Пиркс на полной атомной тяге прокладывает курс с грузом астероидной руды.

В более широком смысле невольной притягательности классической лемовской фантастики может способствовать место, где разворачивается ее действие: космос. В последние десятилетия произошел явный откат от будущего космических путешествий. Или, точнее говоря, разделение внутри жанра: в космосе разыгрываются почти исключительно космооперы и подобные им разудалые приключенческие сюжеты, не воспринимающие всерьез не только науку, но и сценографию научной фантастики; научная же фантастика держится Земли и человека у компьютера. В традиции лемовской литературы удастся соединить две эти разнонаправленные тенденции и обратиться к конкретной группе читателей — к тем, кто воспитан на старомодной научной фантастике,

и, надеемся, к тем, кто только сейчас с удивлением открывает для себя, что можно писать и так.

* * *

Проблема заключается еще и в том, что нет «единого Лема», с которого можно снять объективную мерку. Лем менялся, в конце отказавшись от НФ, в рамках которой он начинал творить, — но именно эта его «юношеская» фантастика, благодаря красочному стаффажу и крепкому сюжету, оказывается наиболее понятна современному читателю (и читателю-писателю). На противоположной стороне спектра — теоретико-философские труды позднего Лема, эссеистские и параисторические концентраты мысли с плотностью нейтронной звезды, обычно лишенные даже скелета интриги, отмытые от влияющей на воображение конкретики сценографии и гаджетности.

Здесь уже нет возможности наследовать форму; здесь «писать как Лем» по необходимости значило бы писать на аналогичные высокоинтеллектуальные темы, в подобном ригоризме разума и интенсивности воображения. Мало того что в данном случае перед авторами встает требование, как минимум, обладать искрой гениальности. Это еще и выталкивает их за рамки художественной литературы, в земли философии и союзные ей страны.

Между тем существуют читатели, верные именно такому Лему: главным образом, представители старшего поколения, отчавлившие уже — согласно поздним декларациям самого Лема — от научной фантастики как жанра. «Я не читаю фантастику — читаю Лема». Для

них данной антологии соответствовал бы сборник оригинальных трудов новых Хофштадтеров, Пенроузов и Типлеров.

Что же делать? Вывести «идеального Лема» дедуктивным способом невозможно. Руководствуясь здравым принципом «золотой середины», мы могли бы дистиллировать своего рода оптимум «лемовости» — ту точку в творчестве Станислава Лема, которая представляла бы как можно более полный набор качеств, определяющих исключительность его прозы, видимой сегодня с дистанции в несколько десятков лет и в образе завершенного наследия.

Выбор, естественно в определенном смысле, будет арбитражным. На мой взгляд, ближе всего к такому оптимуму был «Лем средний», из 1960-х: уже выросший из НФ-коммунизма и маринистического героизма, но еще не окаменевший в асюжетном теоретизировании. На какую форму и какое содержание опереться?

Обратимся к источнику. Станислав Лем так писал в «Фантастике и футурологии», изданной в 1970 году:

«Нет никакой неременной связи между литературной темой, объектами и событиями, которые она в произведение вводит, и значениями этого произведения: то, что происходит между святыми на небе, может в такой же степени считаться как агиографией, так и антиметафизической литературой; эротическими отношениями можно изображать и наш, и другой мир, компьютеры могут служить и футурологическому видению, и насмешке над актуальными характеристиками общества, у которого нет ничего общего ни с интеллектуальной, ни с каким-либо будущим; дьяволами удаётся весьма успешно проиллюстрировать качество человеческой судьбы или утверждать

манихейскую концепцию бытия и т. п. К тому же может быть так, что объекты и научные понятия не служат в произведении ни физике, ни метафизике, что использование их оказывается чистым жонглерством, забавой, проигрываемой в веселой либо жуткой тональности»¹.

Тогда — почему научная фантастика? Причем именно научная фантастика не как «чистое жонглирование научными понятиями», а как сущность, смысл литературного произведения?

Вот ответ:

«Научная фантастика, способная делать (правда, по-своему) все то, что делает литература в согласии со своими традициями, своим призванием может еще в этом единственном — гипотезотворческом — секторе выходить за пределы прежних задач писательства».

Далее Лем декларирует AD 1970:

«Область действий науки и техники, область социальных действий человека, зона его культурных мероприятий создают сопряженные между собою агрегаты, образующие такое целое, которое проявляет склонность то к замыканию в самом себе, к устойчивой неподвижности, то к экспансивному раскрытию. Наука изучает мир, все свойства которого не распознала до сих пор. А поскольку они неизвестны, постольку не могут быть и однозначно предсказаны. Но можно представить себе эти неизвестные характеристики мира и подумать над тем, какие последствия дало бы их обнаружение».

Это — именно программа литературной обработки научных гипотез, причем часто гипотез настолько

¹ Цитаты из «Фантастики и футурологии» — в переводе В. Борисова.

далеко идущих, и обработки настолько глубокой и обширной, что ей приходится упредительно реализовать и те работы, которые в рамках обычного развертывания открытий и размышлений выполняют толпы философов и теоретиков точных наук. Трудно противиться впечатлению, что в описательные критерии здесь вкрался критерий оценочный: кто мог бы справиться с подобным вызовом? Наверняка не всякий, кому достанет компетенции и умения писать «просто НФ».

А поскольку наука движется вперед независимо от литературы, гипотезы, беллетризованные Лемом, сейчас не были бы гипотезами, беллетризованными Лемом полвека назад.

Однако наверняка удастся зафиксировать конкретные искривления, субъективности и предубеждения, возникавшие у него при подборке и освещении подобных гипотез.

Итак, научная фантастика а-ля Лем должна придавать немалое значение биологическим, эволюционным интерпретациям теорий, пусть даже неимоверно далеким от биологии; должна придавать значение игре случайностей, ошибок, катастроф. Полагая разум единственным указателем направления движения, она не испытывает окончательного доверия к его человеческой разновидности; а уж каким черным пессимизмом должно звучать в ней литературное отображение этических и эпистемологических ограничений (почти инвалидности) *Homo sapiens*! Эмоциональная составляющая этой прозы настолько слабо выражена, что порой совершенно заслоняется интеллектуальной составляющей. Особенно несущественна сфера эмоций, связанных с сексуальностью человека. Автор охотно сбегает от нее в аналитику

разнообразных ситуаций — от межличностных связей до государственной и космической политики — с помощью теории игр, холодных математических моделей.

Нетрудно заметить, что многие из названных черт присущи современным версиям западной «жесткой НФ», созданным учеными. (Вот только искать здесь соответствие пластичности и всесторонности языка Лема бесполезно). А подобная НФ уже настолько нишевая, что в Польше ее, как правило, вообще не издают, а потому и массовому сознанию она неизвестна.

И все же очень позитивным сигналом я считаю сверхординарную (относительно размеров данной ниши) популярность у нас Питера Уоттса. И насколько было бы перебором утверждать, что «молодой Лем нынче писал бы как Уоттс и Иган», настолько же он наверняка оказался бы ближе именно к ним, чем к фантастическому ретро. В этом смысле наиболее естественным продолжением творчества «Лема среднего» является продвинутая, ригористическая, *stricte* жанровая НФ XXI века.

А если взглянуть с другой стороны, на Западе и в мире Лем никогда не был и не является звездой поп-фантастики масштабов Айзека Азимова или Фрэнка Герберта. Однако его и не забыли. После волны переводов в 1970—1980-х (разные языки открывали Лема отдельно друг от друга; общемировой моды на Лема никогда не существовало) его популярность держится на довольно низком уровне, характерном именно для современных авторов «жесткой НФ». Время от времени на последних страницах научной периодики (а также на сайтах, в блогах исследователей и академиков) я наталикиваюсь на рекомендации докторов точных наук новых поколений, которые в восхищении открывают «Кибе-